

Глава 22: Третий сын семьи Чжао

—

С приходом весны деревни и поля оживают, знаменуя начало очередного года весенней пахоты.

На горах старая зелень сменилась новой, и фазаны с оленями, должно быть, тоже стали активнее.

В прошлых годах, Сяо Ху после Нового года уже собирался в горы и мог вернуться только в начале второго лунного месяца. В этом году, однако, он всё ещё не решался отправиться.

Он колебался: продолжать ли ему добывать пропитание в горах или оставить горный промысел и вернуться в деревню, чтобы заниматься земледелием.

Теперь в доме не было старших, только двое детей. Если он уйдет в горы, то боялся, что если что-то случится, некому будет присмотреть за ними.

А если останется заниматься сельским хозяйством, то он не умел обрабатывать землю. Это было полбеде, но самое важное, что земля была сдана в аренду ещё в конце прошлого года, её уже дважды перекопали. Было бы неправильно нарушать договор и забирать её обратно, тем более что арендаторы были старыми знакомыми.

Он долго размышлял и не мог принять решение.

«Дядя Сяо, если вы хотите идти в горы, идите спокойно, я смогу присмотреть за домом».

Ци Бэйнань заметил, что Сяо Ху в эти дни постоянно смотрит на горы, и догадался о его переживаниях. Раз уж тот не мог решиться, Ци Бэйнань решил подтолкнуть его.

Он заговорил об этом за завтраком.

Сяо Ху, поглощая кашу, не решался: «Как я могу оставить это на тебя, ребёнка?»

«Мне уже одиннадцать, ведь Новый год уже прошёл, и дети из богатых семей давно уже учатся вести счёт и управлять хозяйством, тем более я мальчик».

Ци Бэйнань сказал: «Если дядя Сяо действительно беспокоится, то пусть побудет в горах недолго, возвращаясь каждые пять-шесть дней, чтобы Сяо Бао не скучал. Я буду в деревне, и если что-то случится, я попрошу брата Фана сходить за вами в горы. С семьей Фан

присматривающей за нами, о чём вам беспокоиться?»

«Много земли в доме уже сдано в аренду, а те несколько му, что остались, вы уже вспахали за эти дни. Разве сложно мне с Сяо Бао посадить немного рассады? Это не тяжелая работа».

Слова Ци Бэйнаня помогли Сяо Ху принять решение.

После еды он взял кусок вяленого мяса и пакет белой муки и отнес семье Фан, чтобы попросить их присмотреть за домом.

Во второй половине дня он упаковал в корзину рис, муку и небольшой кусок вяленого мяса. Весной ему не нужно было брать свежие овощи, так как в горах росло много диких трав: водяной сельдерей у ручья, пастушья сумка на солнечных местах, цедрела, дикий лук, листья хризантемы, портулак и т. д.

Впрочем, Сяо Ху, уйдя в горы, редко заботился о еде, и у него, вероятно, не будет времени возиться с этими травами.

«Папа уходит в горы?» — Сяо Юаньбао, увидев, что Сяо Ху собирает провизию в корзину, с надеждой смотрел на него.

«Да, на этот раз папа уйдёт всего на пять-шесть дней и вернётся домой. Ты должен слушаться брата».

Сяо Ху погладил Сяо Юаньбао по щеке. За эти два месяца мальчик, кажется, стал белее и пухлее. Раньше он был немного бледным и жёлтым, с острым подбородком, а теперь его лицо округлилось. Он стал выглядеть крепче и здоровее.

Раньше он отчаянно рисковал жизнью в горах, чтобы его семья жила лучше, но это дало обратный эффект. Теперь он понял, что нужно зарабатывать деньги, но также необходимо уделять больше времени детям, иначе, даже имея много денег, они могут быть потрачены не на них. В будущем, когда он пойдёт в горы, он будет чаще возвращаться домой, независимо от того, есть у него добыча или нет.

«М-м-м, Сяо Бао знает». Сяо Юаньбао растопырил пять пальцев: «Брат уже научил Сяо Бао считать. Теперь Сяо Бао знает, когда папа вернётся».

«Мой хороший малыш».

Позже Ци Бэйнань и Сяо Юаньбао проводили Сяо Ху до подножия горы.

Провожая его, Сяо Юаньбао скакал по сухой мягкой дорожке и просил Сяо Ху поймать ему

маленького кролика. Но стоило Сяо Ху уйти подальше по горной тропе, как малыш отвернулся, надул губы, и его глаза покраснели.

Ци Бэйнань пришлось нести его на руках обратно.

Ци Бэйнань успокаивал его, говоря, что попозже они пойдут искать третьего гера и выкопают дикий лук, чтобы замесить тесто и слепить пельмени.

Сяо Юаньбао прильнул к его плечу, и, услышав это, снова поднял заплаканное лицо, серьёзно спросил: «Кто будет лепить пельмени?»

«Брат может».

Сяо Юаньбао внезапно замолчал, шмыгнул носом. Затем тихо сказал: «Бабушка Сунь умеет лепить пельмени».

Ци Бэйнань: ...

Он подумал, что его кулинарные способности не хуже, чем у дяди Сяо!

«Ладно, тогда попросим бабушку Сунь».

Сяо Юаньбао поспешно сказал: «Поедим вместе, когда папа вернётся».

«Хорошо, хорошо, поедем, когда папа вернётся». Ци Бэйнань похлопал своего почтительного малыша. «Наш Сяо Бао такой заботливый».

Вернувшись домой, Ци Бэйнань расколол грецкий орех для Сяо Юаньбао. Малыш снова повеселел и пошёл кормить кур и уток смесью отрубей с овощами, проверяя, не снесли ли они яиц.

Ци Бэйнань собирался завтра рано утром отправиться в уезд, чтобы купить свежую и крепкую рассаду. В феврале-марте нужно сажать дыни и бобы. Если не посадить овощи вовремя, то нечего будет есть. Крестьянские семьи, имея землю, всегда сажали овощи. Кроме того, он хотел купить готовое мясо и блюда, которые можно просто разогреть, чтобы Сяо Юаньбао мог есть больше.

«Брат, кто-то пришёл!»

Ци Бэйнань рылся в чулане, проверяя, какие семена у них есть, чтобы не купить лишнего в городе.

Он как раз нашёл семена фасоли и огурцов, когда Сяо Юаньбао прибежал в комнату.

«Кто?»

Сяо Юаньбао покачал головой и сказал: «Тоже брат, но Сяо Бао его не знает».

Ци Бэйнань удивился: кто же мог прийти к ним, кого Сяо Юаньбао не знает?

Он поспешно вышел. Во дворе действительно стоял юноша, примерно его возраста. Волосы юноши были собраны на макушке, светло-синяя лента свисала с затылка. На нём была приталенная весенняя одежда с перекрестным воротом, того же светло-синего цвета, что и лента.

Увидев Ци Бэйнаня, он слегка улыбнулся и поклонился.

Ци Бэйнань сразу понял, что это учёный человек, и догадался, кто это может быть.

«Я третий сын в семье Чжао. В конце прошлого года Ци Сюэцзы* подарил мне свиток с каллиграфией и один экземпляр «Книги Сыновней Почтительности». Я пришёл сегодня, чтобы лично поблагодарить Ци Сюэцзы».

[*Сюэцзы (许, Xuézi) - ученик, учащийся.]

Услышав это, Ци Бэйнань понял, что это, как он и предполагал, сын старосты Чжао. Он поспешно пригласил его в дом, усадил в гостиной и налил чаю.

«Получив книги и свиток от Ци Сюэцзы, я был очень рад. Я давно хотел прийти, чтобы поблагодарить, но мой отец сказал, что в семье Сяо были семейные дела, и было неудобно навещать. Потом началась учеба в частной школе, и вот, вернувшись на выходной, я наконец-то смог выразить свою благодарность».

Ци Бэйнань сказал: «Чжао Сюэцзы слишком вежлив. Когда я только приехал в деревню, мне повезло получить помощь от старосты. Узнав, что Чжао Сюэцзы тоже учится, я осмелился подарить свиток и старую книгу. Надеюсь, Чжао Сюэцзы не посчитал их слишком грубыми».

«Как я могу?! Книги нелегко достать, и старые, и новые — все хорошие книги». Чжао Гуанцзун выглядел искренне серьёзным, выражая уважение и признательность к возможности читать.

Этот момент расположил Ци Бэйнаня к Чжао Гуанцзуну.

«На этот раз я тоже не приготовил ничего особенного, принёс пачку грубой бумаги. Учитель

говорит, что в нашем возрасте важно много писать, чтобы закрепить почерк, и бумага расходуется очень быстро».

Чжао Гуанцзун достал пачку бумаги. В пачке было десять больших листов, но каждый можно было разрезать на восемь листов для писем. При этом бумага была не самой грубой, а с довольно тонкой текстурой.

Затем он достал пакет с пирожными и передал его Сяо Юаньбао, который слушал разговор: «Давно не виделись, Бао гер. По пути прихватил немного фруктовых пирожных».

Сяо Юаньбао поднял брови. Он не ожидал, что этот незнакомый брат принесёт ему что-то. Он не взял их, а посмотрел на Ци Бэйнаня.

«Возьми. Это третий брат из семьи дяди Чжао, старосты».

Только тогда Сяо Юаньбао взял пирожные и вежливо сказал: «Спасибо, третий брат».

Чжао Гуанцзун, глядя на милого и нежного Сяо Юаньбао, слегка улыбнулся и сказал Ци Бэйнаню: «В последний раз я видел Бао гера, когда тетя Сунь была жива. Неудивительно, что он меня не помнит. Я учусь в частной школе в городе, ухожу рано и возвращаюсь поздно, поэтому не так знаком с жителями деревни, как другие сельчане».

Ци Бэйнань засмеялся: «Как любезно со стороны Чжао Сюэцзы помнить о младшем в деревне и принести ему угощение! Он теперь будет узнавать третьего брата издалека и звать».

Чжао Гуанцзун тоже улыбнулся, затем повернулся к Ци Бэйнаню и спросил: «Скажи, Ци Сюэцзы, ты сейчас где-нибудь учишься?»

«Нет».

Ци Бэйнань не видел смысла скрывать. Увидев, что с Чжао Гуанцзуном приятно общаться, он рассказал ему о том, как приехал к Сяо Ху. «Эти два года я не могу участвовать в экзаменах, так что лучше помогу дяде Сяо присмотреть за домом».

«Участвовать в экзаменах?»

Чжао Гуанцзун уже слышал от своего отца о происхождении Ци Бэйнаня. Видя, как он так откровенно говорит о своих печальных семейных делах, он счёл его очень великодушным. Узнав, что тот не может участвовать в экзаменах из-за траура, что подразумевало его готовность к ним, Чжао Гуанцзун почувствовал зависть, но тут же на его лице промелькнуло разочарование: «Возможность участвовать в экзаменах — это хорошо».

Ци Бэйнань заметил, что Чжао Гуанцзун расстроился, и спросил: «В следующем году будут экзамены для детей (тун као). Чжао Сюэцзы не собирается попробовать свои силы?»

Чжао Гуанцзун сразу же покачал головой, опустил глаза и с горечью сказал: «Я такой глупый, как я могу сдавать экзамены? Я только опозорю учителя».

«Как Чжао Сюэцзы может быть таким самоуничижительным?»

Ци Бэйнань увидел, что Чжао Гуанцзун не просто скромничает, и сказал: «Тун као — это первый экзамен в системе государственных экзаменов. Он не похож на последующие большие экзамены. Чжао Сюэцзы следует чаще участвовать в экзаменах, чтобы набраться опыта. Если ты боишься тун као и переживаешь, что провал подорвёт твою уверенность, то что говорить о поездках в столицу или префектуру? Ты проделаешь весь этот путь и всё равно провалишься. Разве это не подорвёт твою уверенность ещё сильнее?»

Чжао Гуанцзун посмотрел на Ци Бэйнаня. Когда речь зашла об экзаменах в школе, он сразу потерял свою обычную сдержанность и проявил робость, свойственную его возрасту. Он пробормотал: «Я... я плохо пишу, и мои ответы на вопросы учителя не всегда правильны. Я действительно бесполезен и отстаю. Учитель не разрешает таким ученикам, как я, так рано участвовать в экзаменах».

Ци Бэйнань ненадолго замолчал. Учителя в академиях и частных школах действительно давали рекомендации ученикам относительно участия в экзаменах, но в конечном итоге решение оставалось за учениками. Он никогда не встречал такого строгого учителя. Ци Бэйнань не знал всей ситуации и не хотел критиковать учителя, но почувствовал, что Чжао Гуанцзун очень неуверен в своих знаниях.

Он слегка наклонился и ободряюще сказал: «Никто не рождается с хорошим почерком. Все эти великие каллиграфы добились мастерства упорным трудом. Я редко слышал, чтобы кто-то родился святым. Мы ещё молоды, и ничего страшного, если что-то не получается сразу».

«А что касается вопросов учителя, если бы ты мог ответить на них все, то зачем тебе учитель? Учитель нужен, чтобы выявлять пробелы в знаниях, находить твои недостатки и исправлять их».

Грудь Чжао Гуанцзуна высоко поднялась и опустилась. Услышав слова Ци Бэйнаня, он почувствовал себя намного спокойнее. Он сложил руки и поклонился Ци Бэйнаню: «Спасибо, Ци Сюэцзы, за наставление. Ты застал меня в неловком положении».

«О чём Чжао Сюэцзы говорит? Я рад, что ты так откровенен со мной. Я приехал сюда из уезда Цю, у меня здесь только один родственник и нет друзей. Мы с тобой одного возраста и оба учёные люди. Я очень рад, что смог поговорить с тобой сегодня».

Чжао Гуанцзун улыбнулся: «Я чувствую то же самое. Хотя в деревне есть много ровесников,

большинство из них занимаются сельским хозяйством. Я с детства учился в частной школе, и они разговаривают со мной очень вежливо, но по душам поговорить не получается».

«Да, будучи занятыми учёбой, мы неизбежно отдаляемся от старых друзей».

Чжао Гуанцзун, видя, как Ци Бэйнань его понимает, плотно сжал губы и с сомнением спросил: «Если Ци Сюэцзы не затруднит, в будущем... когда у меня будет свободное время после занятий, я приду к тебе поговорить».

Ци Бэйнань поднял брови: «Это было бы замечательно. Я как раз думал пригласить тебя приходить почаще, но боялся отвлечь тебя от учёбы».

Чжао Гуанцзун, увидев, что тот не отказал, обрадовался и даже почувствовал благодарность.

Они долго разговаривали, выпив по три чашки чая. Чжао Гуанцзун почувствовал необходимость сходить в уборную, и, поскольку приближалось время ужина, он неохотно попрощался с Ци Бэйнанем.

Когда он пришел домой, из дома Чжао уже валил дым, а рис уже был высыпан в бамбуковую корзину.

«Почему ты так долго?» Староста Чжао, занятой в это время года, вышел с сыном, но вернулся раньше и уже выпил чашку вина. Увидев, что сын вернулся только сейчас, он не мог не спросить. Обычно, когда сын возвращался из городской частной школы, он сразу забирался в комнату читать или писать и редко ходил в гости. Даже если ходил, то возвращался через полчаса. Сегодня же он пробыл в семье Сяо больше часа, что было странно.

«Я хорошо поговорил с Ци Сюэцзы, и время пролетело незаметно». Чжао Гуанцзун был в хорошем настроении, говоря о времени, проведённом в семье Сяо.

Он тут же посерьезнел и сказал отцу: «Я считаю Ци Сюэцзы искренним и очень порядочным в манерах. Он приехал в нашу деревню из Цзянчжоу, и кроме семьи Сяо, у него нет ни родственников, ни друзей. Отец, пожалуйста, позаботься о нём в будущем».

Госпожа Чжан, мать Чжао, подпоясав юбку, услышала разговор отца и сына, подошла к ним с корзиной для сбора овощей. «Наш Гуанцзун обычно полностью погружен в учёбу и ничего не слышит вокруг. Как странно, что сегодня он просит тебя позаботиться о ком-то».

Староста Чжао поставил чашку с вином. У него и госпожи Чжан было трое детей. Первые двое были геры, и второй из них был замужем уже два года. В доме оставался только этот младший сын. Староста очень любил его и, услышав его просьбу, сказал:

«Даже если бы ты, мой сын, не просил, я бы позаботился о мальчике Ци».

«Его отец был сюцаем, его литературный талант был намного выше моего. Мальчик Ци с детства слышал и видел, и его знания, должно быть, лучше, чем у детей из обычных семей. Раз он тебе понравился и ты хочешь с ним общаться, это значит, что ты хорошо разбираешься в людях».

Чжао Гуанцзун улыбнулся и поблагодарил отца. Он был вне себя от радости, думая, что наконец-то нашёл друга.

Чжао Гуанцзун был единственным сыном старосты, он не принадлежал к обычным крестьянским семьям, которые боролись за пропитание. Его любили родители, возлагали на него большие надежды и отправили учиться в городскую частную школу с самого детства. В глазах односельчан он получал наставления от учителя, общался с молодыми господами из города и имел блестящее будущее.

Посторонние видят только его успехи, но они не знают, что, несмотря на его выдающееся семейное происхождение в деревне, в частной школе в уездном городе он совершенно незначителен.

Его одноклассники были из богатых и знатных семей, высокомерны и не любили общаться. В городе у него не было не то что близкого друга, но даже человека, с которым можно было бы поговорить. Напротив, были те, кто презирал и избегал его.

Возвращаясь в деревню, он изо всех сил старался поговорить со старыми друзьями, но они либо завидовали его хорошей жизни и учёбе в городе, либо говорили ему приятные слова и просили его отца об одолжениях.

Ему было невыносимо тяжело, он не мог поговорить об этом с родителями, а его друзья считали, что он, живя в достатке, просто неблагодарный.

Со временем он перестал общаться с ровесниками в деревне, а в деревне стали говорить, что он, поучившись в городе, стал презирать своих деревенских товарищей.

Чжао Гуанцзун был очень расстроен, но ничего не мог поделать. Поэтому, вернувшись, он не выходил из дома, а сидел и читал или писал. Родители уговаривали его выйти, но он отказывался. Внешне он казался мягким и покладистым юношей, но на самом деле он постоянно о чём-то тревожился, колебался и редко улыбался.

Когда Чжао Гуанцзун услышал, что в деревню приехал учёный, он сначала не придавал этому значения. Но его отец сказал, что они оба учёные люди и примерно одного возраста, и что пойти поговорить с ним, обменяться опытом — не беда. Однако Чжао Гуанцзун уже боялся заводить знакомства и не хотел идти.

Но когда Ци Бэйнань прислал ему свиток и книги, он, несмотря на страх общения, должен был пойти поблагодарить его, как того требовали приличия.

И эта поездка оказалась удачной.

Чжао Гуанцзун внутренне негодовал, почему он не пошёл раньше.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282058>